

Любовь НЕ
ПО ПРАВИЛАМ

18+

Сладкая Арман

Любовь не по правилам

<https://litres.ru/74575102>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая учительница из скромной районной школы неожиданно оказывается в центре внимания могущественной семьи: её ученик — избалованный сын влиятельного бизнесмена, а его старший брат, привык решать всё деньгами и связями. После резкого разговора со старшеньким, между ними вспыхивает взаимное притяжение, которое переворачивает оба их мира.

Но у этой любви слишком высокая цена: чужие интриги, давление семьи, угрозы карьере и репутации. Чтобы защитить женщину, которую полюбил, герой вынужден бросить вызов всему, что составляло смысл его прежней жизни. Она же, столкнувшись с жестокостью чужого мира, решает не быть жертвой, а найти собственный путь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сладкая Арман

Любовь не по правилам

Глава 1

Софья

Я нервно провела ладонью по юбке, пытаюсь разгладить несуществующие складки. В голове стучало: «Ну почему опять он? Почему именно сегодня, когда я и так чувствую себя выжатой как лимон?»

Даня Романов. Маленький тиран с глазами цвета неба и душой, похожей на колючую проволоку. Сегодня он умудрился не просто сорвать урок, а устроить настоящее представление: вылил банку с гуашью на новое платье Лизы Кузнецовой и обозвал ее «синей коровой». Девочка рыдала навзрыд, а он стоял с таким надменным видом, будто это он пострадал от нападения невоспитанного создания.

Мои попытки поговорить, призвать к совести разбились о каменную стену его равнодушия. «Папа купит новое. А вам какое дело? Вы просто училка», - бросил он, уткнувшись в телефон. В горле встал ком. Не от грубости - от бессилия. Я люблю этих сорванцов, их светлые и озорные лица. Но Даня... Даня был другим. Он словно пришел из какого-то ино-

го, жестокого мира, правила которого мне были неведомы.

И вот я сидела в пустом классе, за своим учительским столом, испещренным поколениями учеников. За окном медленно темнеет. Я набрала номер из школьной базы, указанный как «отец, Романова Данилы». Голос у мужчины на том конце был холодным и очень занятым.

- Романов. Говорите кратко.

-Здравствуйте, это София Викторовна, учительница вашего сына, Даниила. Мне бы хотелось...

-С ним что-то случилось? - голос потеплел на полградуса, в нем послышалась тревога.

-Нет, нет, с ним все в порядке. Но его поведение... - я запнулась, подбирая слова, которые не звучали бы как жалоба.

-Я понял. Через двадцать минут к вам подъедет его брат. Егор. У меня неотложные дела. Егору двадцать семь, так что можете общаться с ним как со мной.

Он бросил трубку, не дав мне договорить. Я опустила телефон на стол и закрыла лицо ладонями. «Через двадцать минут». Что я ему скажу? «Ваш брат - невоспитанный хам»? Он, конечно, и сам это знает. Приедет, отчитает его для галочки, кинет пачку денег «на новое платье той девочке» и умчит обратно в свой идеальный мир, где проблемы решаются звонком по телефону. Я представила его себе. Наверное, молодой мужчина в дорогом костюме, с лицом, усталым от денег и вседозволенности. Мажор...

Время тянулось мучительно медленно. Я перекладывала

бумаги на столе, пыталась проверять тетради, но буквы расплывались перед глазами. Тревога странно смешивалась с любопытством. Каков он, этот загадочный Егор?

Ровно через девятнадцать минут за окном мягко заурчал мощный двигатель, а через минуту в дверях класса появился он. И мой мир перевернулся с ног на голову.

Это был не манерный мужчина. Это был... молодой бог. Высокий, с идеальной стрижкой, в расстегнутом безупречном кашемировом пальто, поверх темной тонкой водолазки. Его лицо - с резкими, словно высеченными скульптором чертами - было прекрасно и холодно

Он вошел, не постучав, его взгляд скользнул по мне с легкой, почти незаметной усмешкой. Он увидел простую девушку в простом свитере, с растрепанными от нервов волосами, в классе, пахнущем клеем и детством. И я увидела, как он меня оценил и... отнес к категории «нестоящих внимания».

- Извините за беспокойство, - его голос был низким, бархатным и таким же холодным, как взгляд. Он снял перчатки, не глядя положил их на парту. - Егор Романов. В чем, собственно, проблема? Надеюсь, она того стоит.

В его тоне сквозила такая неподдельная скука, такое снисхождение, что у меня защемило под ложечкой. Я почувствовала себя служанкой, оторвавшей короля от важных дел.

- Проблема, господин Романов, - я нарочно сделала ударение на «господин», заставив его чуть приподнять бровь, -

не в оценках. А в воспитании. Ваш брат сегодня испортил вещи одноклассницы и оскорбил ее. Сильно.

- Дети есть дети, - он махнул рукой, и его взгляд уперся в дорогие часы на запястье. - Он гиперактивный. Мы оплатим. И девочке купим десять платьев. Давайте не будем раздувать из этого трагедию.

Меня будто ошпарило. Вот так. Просто. «Мы оплатим». Как будто все в этом мире решается деньгами. Как будто боль маленькой девочки, ее слезы - это просто строка в расходном отчете.

Где-то глубоко внутри что-то щелкнуло. Усталость, обида за Лизу, за себя, за то, что он смотрит на меня сверху вниз, - все это слилось в один острый, ядовитый импульс.

- Речь не о деньгах! - мой голос прозвучал громче и резче, чем я планировала. Он оторвал взгляд от часов и уставился на меня, наконец-то по-настоящему заинтересованно. - Речь о том, что ваш брат растет эгоистом, который считает, что ему все дозволено! Никто не научит его уважению к другим людям! Это ваша задача как старшего брата! Или вы считаете, что ваша обязанность ограничивается тем, чтобы приехать и откупиться?

Я закончила, едва переводя дух. Я только что нахамила человеку, который, вероятно, мог одним звонком лишить меня работы.

Повисла гробовая тишина. Егор Романов смотрел на меня так, будто увидел что-то невозможное. Его глаза сузились, в

них промелькнуло сначала недоумение, затем - что-то похожее на уважение, а потом... потом самый настоящий, живой интерес. Скука с его лица испарилась.

Он медленно подошел ко мне, к моему столу. От него пахло морозом и дорогим древесным ароматом, от которого слегка кружилась голова.

- София Викторовна, да? - произнес он тихо, и его голос потерял ледяную отстраненность. В нем появились какие-то новые, опасные нотки.

- Да, - выдохнула я, не в силах отвести взгляд.

- Вы очень... эмоционально к этому относитесь, - он обвел взглядом класс. - К своей работе. К чужим детям.

Он сделал еще шаг. Теперь между нами оставалось не больше полуметра. Мое тело напряглось, по коже побежали мурашки. Он был таким большим, таким могущественным в этом маленьком мире вырезанных из бумаги листьев и детских рисунков.

- Это моя работа, - прошептала я.

В этот момент его рука случайно, будто невзначай, легла рядом на стол, почти касаясь моей. От этого почти-прикосновения по моей руке пробежал разряд тока. Я резко отвела взгляд, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец. Он видел это. Видел мое смятение. И, кажется, ему это нравилось.

- Хорошо, София Викторовна, - произнес он, и в его голосе снова зазвучала привычная уверенность, но теперь с лег-

кой, дразнящей насмешкой. - Вы меня проняли. Я поговорю с братом. Лично. И прослежу, чтобы он извинился перед той девочкой. Устраивает такой вариант?

Я могла только кивнуть, не в силах вымолвить ни слова.

- Отлично, - он мягко улыбнулся, и эта улыбка сделала его лицо не просто красивым, а ослепительным. - Тогда, полагаю, на сегодня наш... педагогический совет окончен.

Он повернулся и вышел из класса так же бесшумно, как и появился. Я осталась сидеть за своим столом, слушая, как за окном урчит двигатель его машины, стихая вдаль. А по моей руке, там, где почти коснулась его, все еще бежали мурашки.

«Боже, - прошептала я в тишину пустого класса. - Это всего лишь брат ученика. Всего лишь».

Но что-то внутри тревожно и сладко ныло, нашептывая, что это - не «всего лишь». Это что-то новое. Что-то очень опасное. И что я, кажется, уже нахожусь в самой гуще этой опасности.

Глава 2

Егор

День был провальным еще до этого дурацкого звонка. Утреннее совещание с отцом превратилось в очередной сеанс унижений на тему «когда ты уже повзрослеешь и начнешь работать всерьез». Потом - отвратительные переговоры, где партнеры вели себя так, будто делали нам одолжение просто своим присутствием. Весь мир сегодня состоял из серых, надменных лиц и разговоров о деньгах. Сотни тысяч, миллионы... Иногда мне казалось, что я уже не вижу за цифрами самих людей.

Я мчался по городу в своем «Мерседесе», пытаюсь заглушить классической музыкой раздражение, пульсирующее у висков. очередной вызов в школу. Боже, ну что там натворил этот чертенок? Данька - хороший парень, просто избалованный до невозможности. Отец вечно пропадает на работе, мать видит в нем куклу для демонстрации на благотворительных балах, а я... Я пытаюсь быть ему старшим братом, но чаще всего просто откупаюсь новыми гаджетами и поездками. Проще всего винить во всем школу. Плохо учат. Не могут найти подход.

Я резко свернул на знакомую улочку, заставленную припаркованными машинами. Школа выглядела как все школы - унылое советское здание с облезлой краской. Место, где я

провел несколько счастливых лет, пока меня не перевели в «особенное» заведение для таких, как я. Мир жестких правил, тотального прессинга и осознания собственной исключительности.

Дверь в нужный класс была приоткрыта. Я толкнул ее и замер на пороге. Я ожидал увидеть суровую даму в возрасте, с жесткими глазами за толстыми стеклами очков. Ту, что будет читать мне нотации скучным, вымученным голосом. Я не ожидал ее.

Она сидела за учительским столом, склонившись над какими-то бумагами. Из окна падал последний луч уходящего дня, и он играл в ее каштановых волосах, уложенных в небрежный пучок, из которого выбивались непослушные прядки. Она была... мягкой. В своем большом теплом свитере, с лицом без следов макияжа - только веснушки на носу и следы усталости под глазами. Она выглядела так, будто ее можно обнять и утонуть в этом уюте, как в перине. Полная противоположность тощим, накачанными силиконом и амбициями манекенщицам из моего окружения.

Она подняла на меня глаза. Большие, серые, как осеннее небо, и полные тревоги. В них не было ни капли подобострастия, к которому я привык. Только усталая решимость. Я почувствовал легкий укол любопытства. Кто эта девочка, играющая в учительницу?

Я включил свой корпоративный режим - холодный, немного снисходительный. Что там с Даней? Очередная

ерунда. Наверняка подрался с кем-то. Нужно быстрее решить этот вопрос и убраться отсюда.

Но когда я вошел в класс и увидел ее поближе, мое желание уйти куда-то испарилось. Она была очаровательна в своем возмущении. Я намеренно смотрел на часы, демонстрируя, как дорого мое время. Я предложил стандартное решение - заплатить. Это всегда работало. Но она... взорвалась.

Ее голос, сначала тихий и неуверенный, зазвучал с такой силой и искренностью, что я оторвал взгляд от часов. Она говорила не о деньгах. Она говорила о каком-то дурацком платье, об уважении, о воспитании. Она читала мне лекцию, черт возьми! И самое невероятное - она была абсолютно права.

Я слушал ее тираду, и во мне боролись самые разные чувства. Сначала - привычное раздражение. Кто она такая, чтобы указывать мне? Потом - удивление. Никто и никогда не позволял себе так со мной разговаривать. Ни бизнес-партнеры, ни любовницы, ни тем более наемные сотрудники. А эта... эта учительница в застиранном свитере совала палец в самую мою больную точку - мое незнание, что делать с братом.

И наконец - чистый, неподдельный интерес. Он вспыхнул во мне, как искра на сухом хворосте. Она была настоящей. Злой, уставшей, прекрасной в своем праведном гневе. Ее щеки покраснелись, грудь вздымалась от волнения. Я смотрел на ее полные, чувственные губы, которые выговаривали мне

такие горькие истины, и думал только о том, как бы они чувствовались под моими.

Я подошел ближе. Мне захотелось разглядеть каждую ее веснушку, поймать дрожь в ее голосе. Запах в классе перестал быть просто запахом школы. Теперь это был ее запах - что-то сладкое. Дорогой парфюм никогда не пах так вызывающе. Я наклонился, чтобы лучше видеть ее глаза. Они были полны страха, но она не отводила взгляд. В них горел огонь. Огонь, который согревал лучше, чем камин в моем пустом пентхаусе.

И тогда я совершил ошибку. Я положил руку на стол. Я увидел, как она вздрогнула, как по ее шее пробежала краска. Она почувствовала это напряжение между нами. Это электричество. И ей это, черт возьми, понравилось, даже если она сама себе в этом не признавалась. В тот момент все мое раздражение, вся скука провального дня улетучились. Осталась только она. Эта маленькая разъяренная фурия, которая посмела ткнуть меня носом в мои же недостатки. И которая внезапно стала самым интересным человеком за последние несколько лет.

Я пообещал поговорить с Даней. И я действительно это сделаю. Не потому, что она меня в этом убедила, а потому, что мне вдруг дико захотелось заслужить ее одобрение. Увидеть в этих серых глазах не гнев, а что-то другое. Например, уважение. Или... что-то более теплое.

Я вышел из класса, оставив ее там сидеть - растерянную,

смущенную и невероятно живую. Я сел в машину, но не завел сразу мотор. Просто сидел, глядя на освещенные окна школы. В голове стучала только одна мысль, навязчивая и совершенно безумная: «Я должен ее снова увидеть». Это было глупо. Непрактично. Бессмысленно. Она не из моего круга. У нас нет ничего общего. Она, скорее всего, ненавидит таких, как я. Но именно это и делало идею такой притягательной. Она была вызовом. Новой, сложной игрушкой, в которую мне смертельно захотелось поиграть.

Я достал телефон и нашел номер школьной канцелярии. -Алло? Это Егор Романов, брат Даниила Романова. Да, я хотел бы узнать расписание родительских собраний. И... контакты нашего классного руководителя. Для связи.

Я положил трубку и наконец завел машину. На моем лице появилась улыбка. Первая за сегодняшний день. Провальный день внезапно обрел смысл. У меня появилась новая цель. Самая амбициозная и интересная за последнее время. София Викторовна. Маленькая учительница с большими принципами. Она еще не знала, но игра началась. И я не привык проигрывать.

Глава 3

София

Прошло три дня. Три дня, в течение которых я тщетно пыталась стереть из памяти тот взгляд. Холодный, оценивающий, а потом... заинтересованный. Опасный. Я ловила себя на том, что перед зеркалом разглядываю свое отражение - обычное, круглолицее, с веснушками. И пыталась понять, что он мог в нем найти?

Даня, к моему удивлению, на следующий день извинился перед Лизой. Сделал это сквозь зубы, смотря в пол, но извинился. И даже принес ей новую коробку красок. Неужели он и правда поговорил с ним? Этот мажор, который, казалось, только и умел, что смотреть на часы.

Я старалась не думать о нем. Погрузилась в проверку тетрадей, в подготовку к утреннику. Но его образ вставал перед глазами в самые неожиданные моменты: когда я пила чай - я представляла, как он держит фарфоровую чашку своими ухоженными пальцами. Когда шла по улице - мне чудился низкий урчащий звук его двигателя. Это было безумием. Навязчивой идеей.

И вот, после уроков, я снова осталась одна в классе. Разбирала поделки ко Дню матери. В школе было тихо, только где-то далеко звенел голос уборщицы Татьяны Ивановны. Я наслаждалась этой тишиной, этим миром, где все было про-

сто и понятно.

Внезапно тишину разорвало. Негромкий, но уверенный стук в дверь. Сердце упало куда-то в пятки, а потом рванулось в горло, бешено заколотившись. Я узнала этот стук. Не знаю как, но узнала.

- Войдите, - голос сорвался на шепот.

Дверь открылась. Он. Егор Романов. На нем не было того роскошного пальто, только темная водолазка и джинсы. Он выглядел проще. И от этого еще опаснее. Его присутствие казалось еще более массивным, более вещественным в маленьком классе.

- София Викторовна, - он кивнул, и уголки его губ тронула легкая улыбка. Не снисходительная, а какая-то... заговорщицкая. - Я не вовремя?

- Нет... то есть да... то есть уроки уже закончились, - я спуталась, чувствуя, как горят щеки. Я отложила в сторону вырезанного из бумаги ежика. - Даню уже забрали.

- Я знаю. Я к вам.

От этих простых слов по моей спине пробежал холодок. Я к вам. Три слова, которые звучали как приговор и как обещание одновременно.

- Ко мне? - переспросила я, стараясь придать голосу твердость. - По какому вопросу? Если насчет Дани, то он...

- Не только насчет Дани, - он мягко прервал меня, сделав несколько шагов внутрь класса. Он казался слишком большим для этого пространства. Его плечи казались слишком

широкими для дверного проема. - Я хотел лично поблагодарить вас. За тот разговор. Вы были правы.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Он извиняется? Признает свою неправоту? Это не вязалось с образом самовлюбленного мажора, который сложился у меня в голове.

- Я... просто делаю свою работу, - пробормотала я, опуская глаза на свои руки, испачканные клеем. Рядом с его ухоженностью я чувствовала себя нелепой замарашкой.

- Это видно, - сказал он тихо.

Я подняла на него взгляд. Он стоял у парты Дани и смотрел не на меня, а на детский рисунок, прилепленный на стенде. На нем был изображен улыбающийся динозавр. Он смотрел на него с таким неподдельным, легким удивлением, будто видел такое впервые.

- Он извинился перед девочкой, - сказала я, просто чтобы разрядить тишину.

-Я знаю. Он мне сказал. Был очень недоволен, - Егор повернулся ко мне, и его глаза снова встретились с моими. В них не было привычной насмешки. Была какая-то новая, непрочитанная глубина. - Вы произвели на него впечатление. Нас обоих.

Он снова подошел ближе. Медленно, не спеша, как хищник, не желающий спугнуть добычу. Я могла отступить, могла сделать шаг назад, к своему столу, создать хоть какую-то дистанцию. Но ноги будто вросли в пол. Я могла только смотреть на него, замороженная.

- Мне здесь нравится, - он обвел взглядом класс, и его взгляд скользнул по мне. - Здесь пахнет настоящим. Не как везде.

Он протянул руку. Я замерла, решив, что он хочет прикоснуться ко мне. Но его пальцы прошли мимо моей щеки и взяли с моего плеча крошечный, невесомый клочок серебряного дождика, оставшийся от украшения класса.

- Вот, - прошептал он, держа этот ничтожный кусочек блески между пальцами. - Вы были в блесках.

Его пальцы были так близко к моей коже. Я чувствовала исходящее от них тепло. Дыхание перехватило. Все мое тело напряглось в ожидании. Ожидании чего? Я не знала. Боялась и желала этого одновременно.

- Мне надо идти, - выдохнула я, но не двинулась с места. - Конечно, - он не отводил взгляда. Его глаза были темными, почти черными в полумраке класса. - Вы, наверное, устали. Такая ответственная работа.

Он произнес это без тени иронии. Серьезно. И в этом была его самая страшная сила. Он мог быть холодным и насмешливым, а в следующий момент - выглядеть искренним и понимающим.

- Да, - прошептала я. - Я устала.

Егор кивнул и наконец отступил на шаг. Воздух снова хлынул в мои легкие.

- Тогда не буду вас задерживать. Хорошего вечера, София Викторовна.

-И вам... - голос снова подвел меня.

Он развернулся и пошел к выходу. Я смотрела ему в спину, на широкие плечи, на уверенную походку, и чувствовала, как по мне бегут мурашки. Это было... ничего. Ничего не произошло. Он зашел, поблагодарил, ушел. Но почему тогда у меня тряслись колени? Почему в груди было такое ощущение, будто я только что избежала страшной опасности? Или упустила невероятный шанс?

Егор уже почти вышел, но вдруг остановился в дверях и обернулся.

-Кстати, София...

Он впервые назвал меня просто по имени. Без отчества. Звучало это непривычно интимно.

-Да? - голос дрогнул.

-В следующий раз, когда мой брат устроит цирк... звоните сразу мне. Лично.

Он протянул мне бумажку с телефоном, и я взяла ее нечувствующими пальцами. Егор не стал ждать ответа. Просто вышел, оставив дверь приоткрытой. Я услышала, как заурчал двигатель, и потом наступила тишина. Я медленно опустилась на стул. Руки дрожали. Я подняла их и уставилась на них, как будто видела впервые.

Он ничего не сделал. Ни к чему не принуждал. Он просто... был. И его присутствия, его взгляда, его низкого голоса оказалось достаточно, чтобы перевернуть все мое существо с ног на голову.

Он оставил мне свой номер. Прямой приказ. «Звоните мне. Лично». И самое ужасное было в том, что я уже сейчас, сидя в пустом классе, лихорадочно соображала, какую бы новую выходку мог устроить Даня. И как можно быстрее. Я закрыла лицо руками. Это было безумие. Полное, абсолютное безумие. Но дрожь, бежавшая по моей коже, была не от страха. Она была от предвкушения.

Глава 4

Егор

Кабинет отца был выдержан в стиле «холодная роскошь»: темное дерево, хромированная сталь, одна абстрактная картина на стене, стоявшая, как чей-то годовой доход. Это была не просто комната; это был манифест, высеченный в дубе и металле. Манифест власти, недоступности, превосходства. Здесь принимались решения, ломавшие судьбы людей, а звук тикающих напольных часов отмерял не время, а денежные потоки. Я всегда ненавидел эту комнату. Ненавидел с детства, когда меня впервые привели сюда «для серьезного разговора». Тогда я был мал, а кабинет казался огромным и пугающим, как пещера сказочного великана. С тех пор он уменьшился, но страх и отвращение лишь затвердели, превратившись в холодный ком в груди.

- Ты просадил сделку, Егор, - отец не смотрел на меня, изучая какую-то бумагу. Его голос был ровным, без эмоций, и от этого становилось еще гаже. - Ты позволил этим провинциалам себя обойти. Они увидели слабинку.

Он произнес это так, будто констатировал погоду. Ни тени сомнения, ни капли сожаления. Только констатация факта, как приговор. Бумага в его руках, скорее всего, была отчетом, детально описывающим каждый мой промах. У

него всегда были все данные. Всегда. Его сеть информаторов работала безупречно, опутывая компанию и нашу частную жизнь невидимой, но прочнейшей паутиной. Я часто задавался вопросом, знает ли он в этот самый момент, сколько чашек кофе я выпил сегодня или о чем думал, стоя у окна. Вероятно, знал. Контроль был его второй натурой, кислородом, которым он дышал.

Я сжал кулаки под столом. Слабину. Он говорил о том, что я отказался идти на их условия, потому что они были откровенно похабными по отношению к нашим субподрядчикам. Отец называл это «слабиной». Я называл это остатками совести. Жалкими, крошечными осколками чего-то человеческого, что еще теплилось внутри, вопреки всем годам тренировок, нацеленных на их полное уничтожение. Эти люди, эти самые субподрядчики, были не просто строчками в бюджете. Я видел их цех за городом, встречался с их мастером, который с гордостью показывал мне станки, выпестованные до блеска. У него там же работал зять, а дочь вела бухгалтерию. Это была не фирма – это была их жизнь, вложенная в каждый винтик. Согласиться означало обречь их на кабальные условия, на работу в ноль, на медленное угасание. И я не смог. Не смог произнести «да», глядя в глаза тому самому дяде, который после встречи похлопал меня по плечу и сказал: «Сынок, видно, что ты – свой». Какой же я, к черту, свой? Я – чужой. Чужой в их мире простых смыслов, и все более чужой в своем собственном.

- Они хотели зажать людей, - пробурчал я, глядя в окно на серое небо. Оно было плоским и тяжелым, как свинцовая крышка. - Я не мог...

- В бизнесе нет места «не мог», - он, наконец, поднял на меня глаза. Холодные, как лед. Лед голубых озер, под которым не водится никакой жизни. - Есть место результату. Ты его не предоставил. Марина рассказала, что ты был рассеян все прошлую неделю.

Вот как. Уже и марина вступила в игру. «Подходящая невеста», которую они мне подобрали. Дочь отцовского партнера. Хищница в платье от «Шанель», с маникюром, острым, как когти, и взглядом, выверяющим стоимость всего и вся. Наше общение было серией изысканных дуэлей, где каждый комплимент был фехтовальным выпадом, а улыбка – прикрытием для расчета. Я представлял, как она будет хозяйничать в этом кабинете, переставляя вещи, внося свой запах – терпкий, дорогой, подавляющий. Как будет смотреть на меня тем же оценивающим взглядом, что и отец. И меня слегка подташнивало. Брак как стратегическое слияние активов. Любовь как нерациональная и ненужная опция, отключенная за ненадобностью.

- Марина не имеет отношения к моей работе, - отрезал я, чувствуя, как по спине пробегает знакомый холодок неповиновения. Это был детский, бесполезный жест, но иного у меня не оставалось.

- Имеет. Она будет твоей женой. Ее интересы - теперь твои интересы. Перестань заниматься ерундой.

Под «ерундой» он имел в виду все, что не приносило сиюминутной прибыли. Искусство. Музыку. Чтение. Чувства. Весь тот неосязаемый, хрупкий мир, который не имеет курса на бирже и не котируется в рейтингах. Мир, в котором я пытался укрыться, как в убежище. Моя квартира была завалена книгами, которые он в лучшем случае называл «макулатурой». На рояле, на который я почти не находил времени, пылился сборник Рахманинова. Это была моя тихая, частная фронда. И он знал о ней. И методично выжигал, как сорняк.

Я вышел из кабинета, чувствуя себя загнанным зверем. Давление в висках, комок в горле, пространство, сужающееся до размеров лифта, а затем и до салона автомобиля. Весь этот мир - дутый, фальшивый, пахнущий не деньгами, а тоской. Тоской по чему-то настоящему. По шершавой поверхности, по неидеальной линии, по голосу, в котором слышна живая, необработанная эмоция. Мне нужно было куда-то деться. Где-то, где не пахнет деньгами и лицемерием. Где красота не имеет цены, а правда не требует доказательств. И я поехал туда. В школу. Это было иррационально, импульсивно, глупо. И единственно возможно.

Стоя в подъезде, я ловил себя на абсурдности ситуации. Егор Романов, наследник империи, ждет как школяр у дверей класса, чтобы поговорить с учительницей младших классов. Если бы об этом узнали в моем кругу... Меня бы просто

подняли на смех. Сочли бы нервным срывом, слабостью. Но когда я увидел ее в дверях - снова в своем большом свитере, с испачканными в клею руками, с усталым и таким искренним лицом - вся дурь дня куда-то улетучилась. Она была глотком реальности. Антидотом против фальши, в которой я тонул с головой. В ее глазах не было расчета. Была лишь усталость, легкое недоумение и та самая подлинность, которую я тщетно искал в каждом уголке своей жизни. Она не играла роль. Она просто была. Учительница, задержавшаяся после уроков, чтобы сделать с детьми поделки. Это было настолько просто и настолько чисто, что почти физически обожгло.

Я вошел, стараясь казаться непринужденным. «Я к вам». Лучшей фразы придумать не мог. Ее растерянность была восхитительна. Она смотрела на меня такими широкими глазами, словно я был пришельцем с другой планеты. И по сути, так оно и было. Мы были с разных планет. Моя – отлаженная, стерильная, ледяная. Ее – шумная, теплая, пахнущая пластилином, яблочными огрызками и детским потом. И в этот момент тяготение ее планеты оказалось сильнее.

Я поблагодарил ее. Не из вежливости. Я и правда был благодарен. Она ткнула меня носом в мою же халатность по отношению к брату. И это задело за живое. Не как укол в самолюбие, а как щелчок по лбу, возвращающий к реальности. Заставило по-настоящему поговорить с Даней, не откупаясь, не отделиваясь дежурными фразами, а глядя в глаза и объясняя. Объясняя, почему я вечно занят, почему пропускаю

его выступления, почему наша семья – это не семья, а корпорация. И он, черт возьми, услышал. Не сразу, не без скепсиса, но услышал. И в его взгляде появилось что-то кроме привычной обиженной замкнутости. Это был ее заслуга. Ее простые, неуклюжие слова сработали там, где падали в пустоту все мои попытки.

Я подошел ближе. Класс был таким маленьким, таким тесным. Он был полон ею. Ее присутствием. Ее энергией. Ее запахом – ваниль и что-то сладкое, молочное, детское. Не духи, не парфюмерная композиция за пятьсот евро. Естественный запах ее кожи, ее волос, может, шампуня или крема для рук. После удушающих ароматов маминых гостей, смеси французских духов и тонкого запаха коньяка, и после терпкого, доминирующего парфюма Алиски это было как бальзам. Как глоток чистого воздуха после смога.

Я нашел предлог прикоснуться к ней. Вернее, к этому дурацкому блестящему дождику на ее плече, оставшемуся от детской поделки. Это был ничтожный повод, почти комичный. Но для меня он стал событием. Мои пальцы едва не дрогнули, когда я снимал его. Она замерла, затаив дыхание. Я видел, как вздрогнула ее кожа под натиском моих пальцев, как по ней пробежали мурашки. Она боялась. И ей это нравилось.

Это читалось в ее глазах, в легкой дрожи, пробежавшей по ее телу, в том, как она слегка отпрянула, но не отстранилась полностью. Боже, она была прекрасна в своем смятении.

Настоящая. Живая. Не играющая в какие-то игры. Ее реакция не была просчитана, не была частью ритуала соблазнения. Это был чистый, неконтролируемый отклик. И в своей простоте он был сильнее любого мастерского флирта.

Я сказал, что мне здесь нравится. И это была чистая правда. Здесь не было официоза, не было необходимости быть кем-то: наследником, партнером, женихом. Можно было просто быть. Рядом с ней. Быть тем, кто пришел поблагодарить. Быть просто мужчиной, который заметил блеск на плече женщины. Это была головокружительная, почти крамольная свобода.

Я уходил, оставив ее в растерянности. И этот последний выпад - «звоните мне лично» - был чистейшей воды наглостью. Я знал это. Но я не мог удержаться. Мне нужно было оставить ей крючок. Леску, за которую я смогу потянуть, когда мне снова станет невыносимо душно в моем золотом мире. Это был эгоизм. Я понимал, что втягиваю ее в свои сложные, грязные игры, приношу ветер из своего мира в ее хрупкий, упорядоченный мирок. Но желание снова ощутить этот чистый воздух, это чувство подлинности, было сильнее угрызений совести. Я уже тогда чувствовал, что она – не просто развлечение. Она – необходимость. Как кислород для человека, задыхающегося в заполненном инертным газом сейфе.

Я сел в машину, но не поехал сразу домой. Я сидел и смотрел на освещенные окна школы, представляя, как она там,

одна, пытается прийти в себя. Как ее щеки горят, а сердце колотится. Как она, наверное, проводит рукой по месту, где только что были мои пальцы. Из-за меня. Это было новое, опьяняющее ощущение. Не та дешевая лесть, которую мне расточали подхалимы, желающие что-то получить. И не подобострастие наемных работников, в чьих глазах читался лишь страх и расчет. Это был чистый, ничем не разбавленный страх, смущение, интерес и, да, проблеск притяжения в глазах женщины, которую я зацепил. Не своими деньгами. Не своим положением. Не обещаниями или связями. А просто собой. Своим нахальным поведением, своим прямым, может быть, даже грубоватым вниманием. Я был для нее не Романовым – сыном богатого магната, имеющего практически неограниченные возможности. Я был просто неожиданным, странным, тревожащим мужчиной. И в этом была невероятная ценность.

Я завел двигатель и уехал. Но образ ее - растерянный, испуганный, с клочком блесков в волосах, которые она, наверное, еще не заметила, - не выходил у меня из головы весь вечер. Он вставал перед глазами, когда я пытался разбирать документы, и цифры расплывались в тумане. Когда я слушал нудные, отточенные речи отца за ужином о новых рыночных трендах. Когда Алиска звонила и томным, вышколенным голосом спрашивала, когда же я, наконец, отвезу ее в Париж на неделю высокой моды, как обещал. Ее голос был белым шумом на фоне той навязчивой мелодии, что звучала во мне.

Мелодии из запаха ванили, тишины опустевшего класса и широких глаз цвета хмурого неба. Она была простой, но засела глубоко в сознании, вытесняя все остальное.

Это была игра. Я понимал это. Опасная и абсолютно непрактичная игра. Игра с непредсказуемыми правилами и совершенно непонятным для меня финалом. Но впервые за долгие годы я чувствовал настоящий, живой азарт. Не холодный азарт игрока, ставящего на кон миллионы, а теплый, трепещущий, первобытный азарт охотника, вышедшего на след дичи, которая может дать неожиданный отпор, увести в неизведанные чащи, поранить или даже сама стать охотником. Я не знал, что буду делать дальше. Не знал, чего хочу от этой девушки в большом свитере. Любви? Спасения? Просто острых ощущений? Но я знал, что вернусь. Снова и снова. Как наркоман, нашедший свой единственный эликсир. Потому что в ее классе, пахнущем клеем, бумагой и детством, я чувствовал себя живее, настоящие, свободнее, чем где бы то ни было в своем огромном, дорогом, мертвом мире. И ради этого чувства, ради этого глотка жизни, я был готов на многое. На риск, на конфликт, на абсурд.

Даже на то, чтобы снова оказаться в роли провинившегося школьника. Только на этот раз меня бы отчитывала не суровая завуч с указкой, а эта хрупкая, неидеальная девушка с глазами цвета дождливого неба и руками, пахнущими ванилью и школьным мелом. И, черт возьми, мне уже начинало это нравиться. Нравиться до дрожи в коленях и странного,

давно забытого тепла где-то в области сердца. Это был опасный путь. Но это был единственный путь, ведущий не в пропасть бесчувственного существования, а куда-то в свет. И я решил идти по нему, куда бы он ни привел.

Глава 5

София

Весь день я ловила себя на том, что взгляд сам уплывает к дверям, а слух ловит каждый отдаленный звук шагов в коридоре - не детский топот, а взрослый, уверенный, мужской. «Он же не придет. Зачем ему приходить снова?» Но он приходил. Каждый день на этой неделе находил новый предлог: уточнить домашнее задание для Дани, передать справку от врача, «случайно» застать, когда я задерживалась с проверкой тетрадей. Каждая встреча была короткой дуэлью, обменом колкостями, которые теперь отдавались не обидой, а странным, щекочущим нервы жжением.

И вот сегодня, когда последний ученик покинул класс, дверь снова открылась. Он. Егор Романов. Не в черном пальто, а в темном свитере, который делал его моложе и... доступнее. В руках у него была не папка, а небольшая, изящная коробочка темно-синего цвета с серебряным логотипом известной кондитерской.

- Я сдаюсь, - заявил он, ставя коробку на стол рядом со стопкой моих тетрадей. - Это белый флаг. Капитуляция перед вашим педагогическим упрямством.

Я подняла на него брови, стараясь сохранить маску равнодушия, хотя сердце тут же начало колотиться чаще.

-Перед каким именно?

-Перед тем, что вы заставили меня три дня подряд придумывать идиотские поводы, чтобы просто зайти сюда, - он усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. Они его красили, делали человечнее. - Поэтому это - взятка. Вознаграждение за потраченные нервы и как извинение за мою бестактность.

Он отодвинул крышку коробки. Внутри, в бархатных ячейках, лежали шоколадные трюфели. Не те, что продаются в супермаркете, а настоящие, ручной работы, пахнущие горьким какао и дорогим коньяком. Я никогда таких не пробовала.

-Вы пытаетесь подкупить государственного служащего? - спросила я, и голос мой прозвучал слабее, чем хотелось.

-Нет, - он серьезно посмотрел на меня. - Я пытаюсь получить шанс. Один. Единственный.

Он облокотился о край стола, сократив расстояние между нами до полуметра. Я почувствовала его запах - уже знакомое сочетание морозной свежести, дорогого парфюма и чего-то чистого, мужского, кожи, возможно.

-Какой шанс? - прошептала я, не в силах отвести взгляд от его лица, от резкой линии скулы, от губ, которые сейчас были расслаблены, без привычной насмешливой усмешки.

-Шанс увидеть вас не здесь. Не в роли учительницы моего брата. Увидеть просто Софию. За ужином. Сегодня.

Это было сказано тихо, но с такой незыблемой уверенностью, что у меня перехватило дыхание. В голове пронеслись

все возможные и невозможные причины отказа. Это безумие. Он - из другого мира. У нас нет ничего общего. Это профессионально неэтично. Он играет. Он... Но когда я открыла рот, чтобы все это высказать, он мягко прервал меня.

-Прежде чем вы скажете «нет» - а я вижу, вы уже сообрались - ответьте себе на один вопрос. Вам действительно неинтересно? Не хочется узнать, кто я, когда не нужно защищать свой профессиональный авторитет? Когда я не смотрю на часы, думая о сделке на миллион? Потому что мне... - он сделал паузу, и в его глазах промелькнула искренняя, почти мальчишеская неуверенность, - ...мне отчаянно хочется узнать, кто вы, когда не нужно быть принципиальной Софией Викторовной.

Это было нечестно. Он ударил точно в цель. Потому что да - мне было дико интересно. Страшно, опасно, головокружительно интересно. Этот человек был загадкой. Противоречием. Циничным мажором, который мог искренне интересоваться успехами своего брата. Надменным снобом, который принес извинения в виде шоколада.

- Это не лучшая идея, - все же выдавила я, последний бастион здравого смысла.

-Все лучшие идеи изначально кажутся ужасными, - парировал он. - Восемь вечера. Я заеду. Говорите адрес. - он выпрямился.

Егор ушел, оставив меня наедине с коробкой трюфелей, гулом в ушах и полным хаосом в душе. Теперь он знал мой

адрес.

Весь оставшийся день прошел в лихорадочной суете. Я перемерила половину гардероба, понимая, что все мое «нарядное» - это либо строгие блузки для работы, либо поношенные свитера для дома. В итоге я остановилась на простом темно-синем платье-футляре, которое носила на выпускной в педколледже. Оно было скромным, без изысков, но сидело хорошо. Мама, к счастью, работала в вечернюю смену в больнице, и мне не пришлось лгать ей в глаза. Я солгала по телефону, сказав, что иду с коллегами в кино.

Ровно в восемь под окнами мягко заурчал двигатель. Я взглянула в окно - его машина, длинная, блестящая, выглядела инопланетным кораблем на фоне наших старых панельных домов. Я сделала глубокий вдох, взяла сумочку и вышла. Он вышел из машины, чтобы открыть мне дверь. Этот жест, такой естественный для него и такой неожиданный для меня, снова сбил с толку. В салоне было тепло и тихо. Пахло кожей и его парфюмом.

-Вы красиво выглядите, - сказал он, тронувшись с места. Просто, без пафоса.

-Спасибо, - пробормотала я, глядя в окно на мелькающие огни. - А куда мы едем?

-В место, где можно спокойно поговорить.

Он привез меня не в яркий ресторан с хрустальными люстрами и толпой прилично одетых незнакомцев, как я боялась. Мы остановились у невысокого каменного здания в

одном из тихих переулков в центре. Внутри было тепло, приглушенно, горели свечи в подсвечниках на столах, а с потолка свисали гирлянды с мягким желтым светом. Здесь не было вычурности. Был уют. Он выбрал это место специально. Чтобы я не чувствовала себя чужой.

За ужином он не говорил о бизнесе, о деньгах, о своих связях. Он задавал вопросы. О моей работе. О том, что заставляет меня вставать в семь утра и идти к детям. О моей маме-учительнице. Он слушал. Не перебивая, не бросая снисходительных комментариев. Его взгляд был прикован ко мне, и в нем я читала неподдельный интерес. Как будто я рассказывала о самых сокровенных тайнах вселенной, а не о буднях районной школы.

- А вы? - спросила я наконец, когда пауза затянулась. - Почему строительный бизнес? Это был ваш выбор?

Его лицо на миг стало отстраненным.

- Это был выбор, сделанный за меня. Фамилия. Ожидания. Дол,. - он поставил бокал. - Иногда мне кажется, что я просто управляю машиной, которую собрал и запрограммировал мой отец. Еду по нарисованному маршруту. А за окном...

В его голосе прозвучала такая тоска, такая усталость, что мне захотелось положить руку на его. Но я не решилась.

- А что за окном? - тихо спросила я.

Он посмотрел на меня, и в его темных глазах вспыхнула искра.

-Например... разговор с упрямой учительницей, которая не боится сказать мне в лицо, что я - безответственный брат.

Я рассмеялась, и он улыбнулся в ответ. И в этот момент он не был Егором Романовым, наследником. Он был просто мужчиной. Уставшим, ироничным, невероятно привлекательным.

Когда подали десерт, он отодвинул свою тарелку и сложил руки на столе.

-София, я знаю, что все это выглядит... нелепо. Неправильно. У нас нет ничего общего. Наши миры разделяет пропасть, - Егор говорил тихо, но каждое слово било прямо в сердце. - Но с того самого дня в классе я не могу выбросить вас из головы. Вы врываетесь в мои мысли в самый неподходящий момент. Во время совещаний, переговоров... Ваша принципиальность, эта ваша внутренняя сила, которая даже в гневе выглядит такой... чистой. Вы привлекаете меня. Сильнее, чем что-либо за последние годы. И я устал бороться с этим. Более того - я не хочу бороться.

Я слушала, и мир вокруг сузился до размера нашего стола. До свечи, отражающейся в его темных глазах. До его голоса, который звучал как признание не в любви, а в чем-то более глубоком - в поражении. В поражении его цинизма перед ее простой человечностью.

- Я... не знаю, что сказать, - честно призналась я. Мои ладони стали влажными.

-Ничего не говорите, - он медленно, давая мне время от-

реагировать, протянул руку через стол. Его пальцы коснулись моих, и по руке пробежала волна тепла, смешанная с легкой дрожью. - Просто позвольте мне быть рядом. Хотя бы вот так. Хотя бы пока... пока мне не придется вернуться в свою машину и поехать по нарисованному маршруту.

Я не отняла руку. Его пальцы были теплыми, сильными, и их прикосновение было не требованием, а просьбой. Я позволила. В этот миг все предостережения, все страхи казались призраками прошлой жизни. Здесь и сейчас был только он. И это новое, пугающее и пьянящее чувство, что рвалось из груди.

Когда он отвозил меня домой, в машине снова царила тишина, но теперь она была не неловкой, а насыщенной, полной невысказанных слов и обещаний. Он остановился у моего подъезда и выключил двигатель.

- Спасибо за вечер, - сказал он, поворачиваясь ко мне.

-Мне тоже было хорошо, - прошептала я, и это была чистая правда.

Он смотрел на меня, и его взгляд опустился на мои губы. В воздухе повисло напряжение, густое и сладкое.

-София... - он произнес мое имя так, будто пробовал его на вкус.

Сердце забилося где-то в горле. Я кивнула закрыла глаза. Он наклонился. Его губы коснулись моих легко, вопросительно, давая возможность отстраниться. Но я не отстранилась. Я ответила. Поцелуй углубился, стал увереннее. Внут-

ри меня бежали огненные волны собираясь в пылающий комок где-то внизу живота.

Когда мы наконец разъединились, дыхание у нас было сбившимся.

-Я позвоню, - прошептал он, касаясь лбом моего. Его дыхание было теплым на моей коже.

-Хорошо, - выдохнула я.

Я вышла из машины и, не оборачиваясь, зашла в подъезд. Поднимаясь по лестнице, я прикасалась пальцами к губам, которые все еще горели от его прикосновения. В груди бушевал ураган из восторга, страха и полного, абсолютного неведения в происходящее.

Я впустила его. В свою жизнь, в свои мысли, в свое сердце. И теперь все было иначе. Мир за окном моей маленькой квартиры больше не казался серым и предсказуемым. Он искрился обещаниями и таил невероятные опасности. Я была на вершине блаженства, окрыленная его словами, его поцелуем, его вниманием.

Глава 6

Егор

Разъезжать по городу после шести - моя привычная рутина. Обычно в это время я просматриваю отчеты по телефону или слушаю аналитиков, разбирая дневные итоги. Но сегодня я просто ехал. Без цели. Взгляд скользил по промозглым улицам, по серым лицам прохожих, а в голове - один и тот же навязчивый кадр: ее лицо, когда я сказал, что она меня привлекает. Шок. Испуг. И что-то еще, едва уловимое, что заставило мое сердце совершить неровный, глупый скачок.

Это было чистое безумие. Саморазрушительное, идиотское, прекрасное безумие. Я, Егор Романов, чей график расписан на полгода вперед, который оценивает каждую минуту в денежном эквиваленте, просиживал штаны у дверей обычной районной школы, как подросток, и придумывал нелепые поводы, чтобы просто увидеть ее. Учительницу младшего брата. Простую девушку из другого, параллельного, слишком настоящего мира.

И теперь я вез ее на ужин. От этой мысли что-то екало внутри, смесь вины и дикого, запретного азарта. Я выбрал место интуитивно - не «свое», не то, куда водят на показ. Маленький ресторанчик с камином, куда иногда заходил, когда нужно было скрыться от всех. Здесь не было шанса встретить знакомых. Здесь мы могли быть просто мужчиной и женщи-

ной.

Она вышла из подъезда, и на миг мне показалось, что я ошибся адресом. В простом синем платье, с волосами, убранными в небрежный, но очаровательный пучок, она выглядела неотразимой. Не гламурной, не выверенной до последней детали, как женщины моего круга. Настоящей. С легким румянцем на щеках от холода и нервов. Я вышел, чтобы открыть ей дверь - жест автоматический, но в ее случае он приобрел какой-то странный смысл. Как будто я открывал дверь не в машину, а во что-то новое.

В салоне пахло ее духами - что-то легкое, сладковатое, абсолютно не похожее на тяжелые, удушающие ароматы, к которым я привык. Она молчала, глядя в окно, и я чувствовал исходящее от нее напряжение, как физическую вибрацию. Она боялась. И все равно села ко мне. Эта мысль опьяняла сильнее любого виски.

За ужином я старался. Черт возьми, как я старался. Я задавал вопросы, слушал, ловил каждую интонацию ее голоса, каждый отблеск свечи в ее серых глазах. Она говорила о своей работе с такой искренней страстью, с такой верой в какое-то абстрактное добро, что мне стало физически больно. Больно от осознания всей фальши, всей грязи, в которой я варился. Рядом с ней мой мир - мир сделок, интриг, пустых усмешек и тотального недоверия - казался патологическим уродством.

И когда она спросила, почему строительный бизнес, я сказал правду. Впервые за долгие годы я произнес вслух то, что годами грызло меня изнутри: «Это был выбор, сделанный за меня». Я рассказал про отца, про долг, про машину, запрограммированную на успех. И увидел в ее глазах не жалость - понимание. Она слушала, не перебивая, и в ее молчании было больше сочувствия, чем во всех словах платных психотерапевтов.

Я протянул руку через стол. Это был не расчетливый ход. Это был порыв. Мне нужно было прикоснуться к чему-то живому, настоящему, к ее теплу, чтобы убедиться, что я еще не окончательно окаменел. Ее пальцы дрогнули под моими, но она не отняла руку. Этот момент простого физического контакта, этого молчаливого разрешения, ударил по мне с силой девятибалльного шторма. Все внутри замерло, а потом взорвалось тихим, оглушительным гулом.

Весь обратный путь я вел машину на автомате. Мысли путались, кровь гудела в висках. Я украдкой смотрел на ее профиль, на губы, которые она слегка прикусывала, и чувствовал, как нарастает давление, какую-то неконтролируемую, животную потребность. Поцеловать. Вдохнуть. Поглотить. Очиститься этим контактом от всей налипшей грязи.

Я остановил машину у ее дома. Я выключил двигатель. Повернулся к ней. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, в которых читалась та же буря - страх, ожидание, доверие.

- София... - слова застряли в горле.

Все мое существо было сведено к одной точке - к ней. Я медленно, давая ей каждую долю секунды на отступление, наклонился. Я видел, как задрожали ее ресницы, как губы слегка приоткрылись. И я прикоснулся. Первое соприкосновение было невесомым, пробным. Просто касание губ к губам. Электрический разряд прошел по всему моему телу, от макушки до кончиков пальцев. Ее губы были прохладными, мягкими, невероятно нежными. Она замерла, не дыша.

И тогда во мне что-то сорвалось. Я углубил поцелуй, уже не сдерживаясь. Моя рука сама потянулась к ее лицу, пальцы впутались в шелк волос у виска. Я пил ее вкус, ее тепло, ее тихий, сдавленный вздох. Это было падение. Головокружительное, стремительное, страшное. Я тонул в ней, и мне не хватало воздуха, но я не мог оторваться. Это было единственное место во всей вселенной, где я чувствовал себя живым. Где я был не Егором Романовым, а просто человеком, который хочет, боится, нуждается.

Она ответила. Сначала робко, неуверенно, а потом - с той же отчаянной силой. Ее руки вцепились в мой свитер, притягивая ближе. В ее ответном движении была не просто страсть. Была отдача. И это обожгло меня сильнее всего. Я был ее первым? Эта мысль пронзила меня острой, сладкой болью.

Когда мы наконец разъединились, чтобы перевести дух, лбы наши соприкасались. Дыхание было частым, горячим,

общим.

-Я позвоню, - прошептал я. Это было обещание. Это была констатация неизбежного. Как закон тяготения. Как восход солнца.

-Хорошо, - ее ответ был таким же тихим.

Я не смотрел, как она уходит. Я сидел, уставившись в темноту за лобовым стеклом, чувствуя, как дрожат мои руки на руле. На губах оставался ее вкус - сладкий, с легкой горчинкой, вкус чистоты и запрета. Я только что пересек черту, которую сам же и провел. Я впустил ее в свою жизнь не как игрушку, не как мимолетное увлечение. Я впустил ее как угрозу всему своему устоявшемуся порядку. Как единственное, что имеет значение. И самая ужасная, самая прекрасная правда заключалась в том, что я не хотел ничего менять. Я хотел этого. Хотел этого хаоса, этой боли, этой невероятной, ослепляющей надежды, которую она зажгла во мне одним только своим существованием.

Я завел машину и уехал, увозя с собой вкус ее губ и полное понимание: я пропал. Я больше не принадлежал себе. И я даже не пытался бороться с этим чувством. Я неся в эту пропасть с распростертыми объятиями, ослепленный ее светом, даже не подозревая, какую тень отбрасывает мое собственное прошлое. И как быстро эта тень настигнет ее, чтобы поглотить все это хрупкое, только что родившееся счастье.

Глава 7

София

Прошла неделя после того вечера. Егор писал постоянно, но мы не виделись – отец отправил его в рабочую командировку в другой город.

Даня вел себя... почти прилично. Словно получил серьезный внушение. Он даже нарисовал мне картинку - кривоватого кота под радугой. Я приколола ее на доску, и каждый раз, глядя на нее, чувствовала странное жжение в груди. Это был его след. Косвенное, но присутствие.

А потом случилось это. После уроков я задержалась, чтобы помочь Лизе Кузнецовой с проектом по окружающему миру. Мы клеили макет вулкана из папье-маше, и я вся была в белых разводах от клея ПВА. Я смеялась над чем-то, что сказала Лиза, и в этот момент в дверь постучали.

- Войдите, - крикнула я, вытирая руки о тряпку.

Дверь открылась, и на пороге возникла незнакомая женщина. Высокая, утонченная, в безупречном пальто из кашемира, с идеальной укладкой и холодными, голубыми глазами. Она выглядела так, будто сошла с обложки глянцевого журнала. Запах дорогих духов ударил мне в нос, смешавшись с запахом клея.

- Я ищу Софию Викторовну, - сказала она. Голос был мелодичным, но без тепла. Как звон хрусталя.

- Это я, - я поднялась, смущенно смахивая с юбки засохшие кусочки бумаги. - Чем могу помочь?

Женщина вошла, ее взгляд скользнул по мне, по моим запятым рукам, по Лизинному вулкану на столе. В ее глазах мелькнуло что-то безглагольное? Снисходительное? Она улыбнулась холодной, вежливой улыбкой.

- Меня зовут Марина Николаевна. Я... друг семьи Романовых.

У меня похолодело внутри. Романовы. Его мир. Пришел ко мне.

- Здравствуйте, - выдавила я. - Лиза, иди, пожалуйста, в коридор, подожди меня там минут пять.

Девочка послушно кивнула и выскользнула из класса, бросив на незнакомку любопытный взгляд.

- Чем могу быть полезна? - повторила я, чувствуя, как подкашиваются ноги.

Марина Николаевна медленно прошлась по классу, рассматривая детские рисунки на стенах, словно в музее современного искусства.

- Мило, - произнесла она, и в ее устах это слово прозвучало как оскорбление. - Очень мило. Я слышала, вы проявляете... повышенное внимание к Даниилу Романову.

- Он мой ученик. Я проявляю внимание ко всем своим ученикам, - ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Конечно, конечно, - она кивнула, все так же улыбаясь. Пальцем в идеальной перчатке она провела по парте, прове-

ряя, нет ли пыли. - Но с Даней ситуация особая. Его семья - люди очень занятые. Очень влиятельные. Они ценят приватность. И им бы не хотелось, чтобы их ребенка вовлекали в какие-то... - она сделала паузу, подбирая слово, - ...непрофессиональные ситуации.

Кровь ударила мне в голову. Я поняла, к чему она клонит. - Я не совсем понимаю, - сказала я. - Что вы имеете в виду под «непрофессиональными ситуациями»?

Она повернулась ко мне. Ее улыбка стала еще холоднее. - Давайте не будем играть. Егор... он человек увлекающийся. У него бывают странные фантазии. Скука, знаете ли. Но все это быстро проходит. И людям, которые заигрываются в этих фантазиях, потом бывает очень больно. Очень неловко.

Она подошла ко мне совсем близко. Ее духи забивали все остальные запахи.

- Он не для вас, милочка. Вы понимаете это? Вы - мимолетное развлечение. Неудобное, нелепое. Его уже ждет подходящая партия, - она произнесла это с таким презрением, что мне захотелось схватить банку с клеем и вылить ей на идеальную прическу. - Не усложняйте себе жизнь. Учите своих детей. И забудьте о Егоре Романове.

Она повернулась и пошла к выходу, оставляя за собой шлейф дорогого, удушливого аромата. У двери она остановилась.

- Кстати, он знает, что я здесь. И полностью одобряет этот

разговор. Ему просто... неудобно говорить самому.

И она вышла. Я осталась стоять посреди класса, вся дрожа, как осиновый лист. Ее слова впивались в меня, как ледяные иглы. «Мимолетное развлечение». «Нелепое». «Он знает». Слезы подступили к горлу, горькие и унижительные. Я схватилась за стол, чтобы не упасть. Какой же я была душой! Я позволяла себе мечтать. Позволяла себе дрожать от его взгляда. А для него это была всего лишь игра от скуки. И он даже не нашел мужества сказать мне это сам, прислав свою... свою наложницу?

Я чувствовала себя такой грязной. Такой униженной. Все его взгляды, его поцелуй - все это было ложью. Изощренной жестокостью богатого человека, которому делать нечего. Я собрала вещи с трясущимися руками. Мне нужно было уйти. Быстрее уйти отсюда, где каждый уголок напоминал о нем.

Я уже почти вышла, когда мой взгляд упал на клочок серебряного дождика. Он лежал на столе. Ничтожный, блестящий кусочек позора. Я схватила его, скомкала и зашвырнула в мусорное ведро. Больше никогда. Никогда.

Я вышла из школы и глубоко вдохнула холодный воздух. Он обжег легкие. Хорошо. Так и надо.

Мой телефон завибрировал в кармане. Я достала его, ожидая увидеть сообщение от мамы. Но на экране горело неизвестное номер. Сердце екнуло. Предательски екнуло. Я открыла сообщение. «София, это Егор. Даня ничего не натворил?»

Я смотрела на эти слова, и во мне все закипало. Какое наглое, циничное лицемерие! Он только что прислал ко мне свою девушку, чтобы та унизила меня, а теперь пишет, как ни в чем не бывало? Пальцы дрожали, когда я набирала ответ. Я не думала о последствиях. Мне было больно и хотелось задеть его так же сильно.

«Все в порядке. Ко мне уже заходили ваши представители. Все предельно ясно. Больше не беспокойтесь.» Я почти бросила телефон в сумку, как он снова завибрировал. Почти сразу. Егор: «Какие представители? О чем ты?»

Слезы снова навернулись на глаза. От злости. От бессилия. Он продолжал играть! Продолжал лгать! «Ваша невеста, я полагаю. Марина Николаевна. Она все очень доходчиво объяснила. Игра окончена, господин Романов. Вы победили. Можете искать себе новую игрушку».

Я выключила телефон и сунула его на дно сумки. Глубоко вдохнула. Все кончено.

Глава 8

Егор

В голове стучало. Отвратительное, тупое похмелье после вчерашнего ужина с отцом и его бизнес-партнерами. Я пил больше, чем обычно, пытаюсь заглушить тошнотворное чувство, которое вызывала во мне вся эта обстановка - фальшивые улыбки, подобострастные взгляды, бесконечные разговоры о деньгах.

Особенно невыносимой была Марина Николаевна. Та самая «подходящая партия», которую мне навязывали родители. Худющая, с идеальными, как у куклы, чертами лица и глазами, в которых читался один лишь холодный расчет. Она сидела рядом со мной, касалась моего рукава своими длинными, острыми ногтями и говорила тем сладким, ядовитым голоском, от которого сводило скулы.

«О, Егорушка, папа говорит, вы присматриваете участок под новый проект? Как раз мой брат занимается этим...»
«Мне так нравятся эти часы на вас. У папы такие же.»

Она была как идеально отлаженный механизм. Красивый, дорогой и абсолютно бездушный. Смотреть на нее после... после Софии было все равно что сравнивать искусственную орхидею с живым, немного растрепанным полевым цветком. Орхидея была безупречна. Но от нее не пахло ничем.

Я пытался отстраниться, уйти в телефон, но отец бросал

на меня предупреждающие взгляды. «Выше голову, сынок. Веди себя соответственно.» Соответственно. Всегда «соответственно». Ни шагу в сторону. Ни одного искреннего жеста.

Утром я проснулся с тяжелой головой и еще более тяжелым предчувствием. Сегодня снова встречу с отцом. Снова отчеты, цифры, его недовольное лицо. Мне нужно было что-то. Глоток воздуха. Вспомнить, что я еще жив.

Я взял телефон. Первое, что пришло в голову - она. София. Ее серые глаза, ее смущенная улыбка, ее голос, дрожащий от волнения. Ее губы... Одно только воспоминание заставило напряжение понемногу отступать. Я набрал сообщение. Просто предлог. О Дане. Но на самом деле мне было плевать на Данины выходки в тот момент. Мне нужно было знать, что она там. Что она есть. Ответ пришел почти сразу. Но это был не ответ. Это был удар под дых. «Все в порядке. Ко мне уже заходили ваши... представители. Все предельно ясно. Больше не беспокойтесь.»

Я перечитал сообщение дважды. В голове не укладывалось. Какие представители? Что за бред?

«Какие представители? О чем ты?»

«Ваша невеста, я полагаю. Марина Николаевна. Она все очень доходчиво объяснила. Игра окончена, господин Романов. Вы победили. Можете искать себе новую игрушку.»

Кровь отхлынула от лица, а потом ударила в виски с такой силой, что комната поплыла перед глазами. Марина. Это

была Марина. Она сама решила нанести упреждающий удар. Приехать к ней. Напугать. Унизить.

Ярость. Чистая, слепая ярость закипела во мне. Как она посмела? Кто она такая, чтобы вмешиваться в мою жизнь? Угрожать ей? Я тут же набрал номер Марины. Она ответила на втором гудке томным, довольным голосом.

- Егорушка? Какая неожиданность...

- Что ты натворила? - прошипел я, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать. - Ты ездила в школу? К Софии Викторовне?

На том конце на секунду воцарилась тишина. Затем раздался легкий, насмешливый смешок.

- Ах, об этой... учительнице? Я просто решила помочь. Объяснить ей, как устроен мир. Чтобы потом не было неприятных сюрпризов. Ты же не хотел сам заниматься этим грязным делом, правда?

У меня сжались кулаки. Я представил ее - эту холодную, ядовитую змею в моем кабинете. Рядом с ней. С моей Софией.

- Ты не имеешь права даже думать о том, чтобы вмешиваться в мои дела! - рыкнул я. - Запомни раз и навсегда: ты мне никто. И никогда не будешь никем.

- Милый, не заводись, - ее голос стал сладким, как сироп, и от этого еще более противным. - Ты же знаешь, что наши родители все уже решили. Это всего лишь вопрос времени. А эта девочка... она просто развлечение. Я это понимаю. Но

зачем вводить ее в заблуждение?

- Заткнись, - прошипел я. - Если ты еще раз посмеешь приблизиться к ней, я уничтожу твоего отца. И тебя заодно. Ты поняла?

Я бросил трубку, не дожидаясь ответа. Дышал тяжело, как после спринта. По комнате ходил, не в силах усидеть на месте. Мне нужно было что-то делать. Немедленно.

Я снова схватил телефон. Набрал Софию. Она сбросила. Еще раз. Снова сбросила. Черт. Черт возьми!

Я написал сообщение. Пальцы дрожали. «София, это не правда. Это была Марина. Она действует за моей спиной. Я ничего не знал. Дай мне возможность объясниться.»

Ответа не было. Минута. Две. Пять. Она не верила мне. Она думала, что я лгу.

Отчаяние, острое и холодное, сжало мне горло. Я не мог допустить, чтобы все закончилось вот так. Из-за интриг этой стервы. Из-за моей собственной нерешительности и страха пойти против воли родителей. Я посмотрел на часы. Идет урок. Она в школе. Не думая, на автомате, я схватил ключи от машины и выбежал из дома. Я мчался по городу, нарушая все правила, не видя ничего вокруг. В голове стучала только одна мысль: «Я должен ее встретить. Я должен объясниться.»

Я припарковался у школы так криво, что колесо оказалось на тротуаре. Мне было плевать. Я влетел в здание, не замечая удивленных взглядов охранника. Я знал, где ее класс. Я бежал по коридору, обгоняя редких прохожих, и распахнул

дверь. Она стояла у доски, с мелом в руке. Рядом сидели дети, которые обернулись на мой шумный вход. Увидев меня, она побледнела. Мел выскользнул из ее пальцев и разбился о пол. Хорошо, что в это время прозвонил звонок с урока.

- Выйдите, дети, - сказала она тихим, но твердым голосом.
- На перемену.

Дети, напуганные моим видом, молча вышли, шаркая ногами. Дверь закрылась. Мы остались одни.

- Уходите, - прошептала она, не глядя на меня. - Пожалуйста.

- София, ты должна выслушать меня, - я сделал шаг к ней. Она отступила, как от огня. Ее движение причинило мне физическую боль.

- Мне все объяснили, - голос ее дрожал. - Ваша невеста была очень... убедительна.

- Она не моя невеста! - выкрикнул я, теряя остатки самообладания. - Это игра моих родителей! Я не хочу ее! Я хочу...

Я запнулся. Я хотел сказать «тебя». Но слова застряли в горле. Это звучало бы как ложь. Как очередная манипуляция.

- Что вы хотите, господин Романов? - она посмотрела на меня, и в ее глазах стояли слезы. Слезы, которые сводили меня с ума. - Добиться своего? Показать, что вам все доступно? Даже простая учительница? Вы добились. Я была настолько глупа, что поверила... что вы... что вам интересна. Поздрав-

ляю. Теперь оставьте меня в покое.

Каждое ее слово било по мне, как молоток. Я видел ее боль. И понимал, что стал ее причиной. Своим молчанием. Своими полупамятками. Своим страхом.

- Нет, - сказал я тихо. - Я не оставлю тебя в покое. Потому что это неправда. Да, сначала это была игра. Но сейчас... Сейчас все иначе.

Я подошел еще ближе. Она была прижата к доске, не имея возможности отступить.

- Она приехала, потому что боится, - прошептал я, глядя ей прямо в глаза. - Она видит, что ты не безразлична мне. И это сводит ее с ума.

- Не надо, - она закрыла лицо руками. - Не надо лжи. Мне больно.

Я не выдержал. Я аккуратно отнял ее руки от лица. Ее пальцы были холодными. Она вся дрожала.

- Я не лгу, - сказал я, и мой голос вдруг стал очень тихим и очень искренним. - Я примчался сюда, потому что не могу допустить, чтобы ты так думала обо мне. Потому что мысль о том, что ты меня ненавидишь, для меня невыносима.

Она смотрела на меня, и в ее глазах читалась борьба. Желание верить и страх снова обжечься.

Я не знал, что еще сказать. Все слова казались пустыми и ненужными. Вместо этого я наклонился и прикоснулся губами к ее щеке. К той самой щеке, где у нее были веснушки. Легко, почти неслышно. Она вздрогнула и замерла.

- Прости меня, - прошептал я ей в ухо. - Прости за все.

И прежде, чем она успела что-то сказать, я развернулся и вышел из класса. Я оставил ее там одну - растерянную, смущенную, с румянцем на щеке и слезами на глазах.

Я не знал, простит ли она меня. Но я знал, что игра закончилась. Началось что-то другое. Нечто настоящее. И пусть это «настоящее» было страшным и непредсказуемым, оно было единственным, что имело смысл. А с Мариной и родителями я разберусь. Это была моя война. И я готов был ее начать.

Глава 9

София

Он ушел. Оставил меня одну в опустевшем классе с губами, обжигающими памятью о его прикосновении, и с хаосом в душе. Я провела пальцами по щеке, там, где всего секунду назад касались его губы. Это было нежно. Почти невесомо. И от этого - еще страшнее.

Слова Марины Николаевны звенели в ушах ледяным колоколом: «игра», «нелепое развлечение», «он знает». Они выстраивались в жесткую, неоспоримую логику. Логичку его мира. А потом был он. Ворвавшийся, как ураган, с помятым лицом и глазами, полными не той холодной насмешки, а чего-то настоящего, дикого, почти отчаянного. Его голос дрожал, когда он говорил: «Она боится. Она видит, что ты не безразлична мне».

Я опустилась на стул, не чувствуя под собой ног. Во мне боролись два человека. Один - разумный, испуганный учитель, которого уже унизили и предупредили. Он кричал: «Дура! Он врет! Они все так делают! Оторвись и беги!»

Другой... Другой был той самой глупой, наивной девчонкой, которая замирала от его взгляда. Та, что хранила на столе кривоватого кота, нарисованного его братом. Та, что задерживала дыхание, услышав в коридоре мужские шаги. Эта девчонка шептала: «А если нет? Если он правда?..»

Он сказал «прости». Попросил прощения. Мажор, который привык только повелевать. Он не оправдывался, не перекладывал вину. Он взял ее на себя.

Я достала из глубины сумки телефон дрожащими руками. Включила его. На экране одно за другим всплыли его сообщения. «София, это не правда». «Дай мне возможность объясниться». И последнее, уже после его ухода. «Я не прошу ответа прямо сейчас. Я просто буду ждать. Столько, сколько понадобится.»

Сердце сжалось в комок. Он не давил. Не требовал. Он отступил, оставил меня разбираться в этом шторме одной. И в этом было больше уважения, чем во всех его предыдущих словах.

Раздался звонок с перемены. В коридоре зашумели дети, застучали каблуки учительниц. Жизнь, настоящая, шумная, пахнущая котлетами из столовой, продолжалась. Мне нужно было выходить, вести урок, улыбаться, отвечать на вопросы. Быть собранной и профессиональной.

Я встала, подошла к раковине и умылась ледяной водой. Щеки горели. Я посмотрела на свое отражение в зеркале: распухшие глаза, покрасневшее лицо. Я выглядела так, будто плакала. Но я не плакала. Я металась между пропастью страха и ослепительной, опасной надеждой. Весь урок я ловила на себе взгляды детей. Лиза Кузнецова смотрела на меня с особой тревогой.

-София Викторовна, вы заболели? - шепнула она на пере-

мене.

-Нет, солнышко, все хорошо. Просто не выпалась, - я погладила ее по голове, и это простое движение, эта детская непосредственность немного успокоили меня.

Но в голове все крутилось одно: «Ждать. Сколько понадобится». Что это значит? Он появится снова? Или так и будет писать сообщения в никуда? А Марина? А его родители?

Страх возвращался. Он был таким большим, таким могущественным. А я - никто. Простая учительница, которую можно сломать одним звонком. Он мог уничтожить мою карьеру, репутацию мамы... все, что у нас есть.

После уроков я, как зомби, собрала вещи и пошла к выходу. Голова гудела от противоречий. Нужно забыть. Нужно стереть его из памяти, как страшный и прекрасный сон. Я вышла из школы и замерла. Напротив, через дорогу, стоял его блестящий, чужеродный автомобиль. И он, прислонившись к нему, смотрел прямо на меня. Он не шел ко мне. Не звал. Не пытался что-то сказать. Он просто стоял. И ждал. Как и написал. На нем не было дорогого пальто, только простой темный свитер. Наши взгляды встретились через поток машин и прохожих. В его глазах не было ни требований, ни уверенности. Только вопрос. И та самая надежда, что клоко-тала во мне.

Этот момент длился вечность и мгновение одновременно. Мир вокруг будто выцвел, звуки приглушились - гудки ма-

шин, смех учеников, скрип тормозов автобуса. Все это превратилось в фоновый шум, в размытое акварельное пятно. Остались только мы - два неподвижных островка в бурлящем потоке. Я видела, как ветер треплет его темные волосы, как он сутулится, чтобы не спугнуть.

В его позе читалась такая непривычная, почти мальчишеская неуверенность, что что-то дрогнуло внутри, давняя трещина в ледяной плотине страха. Я вспомнила, как он сегодня в классе смотрел на моего картонного кота, и уголки его губ дрогнули в едва уловимой грустной улыбке. Вспомнила, как его голос срывался на слове «прости», будто он заново учился его выговаривать. Эти обрывки, эти штрихи к портрету не вязались с образом циничного кутилы, который рисовала мне Марина Николаевна и мой собственный, закаленный горьким опытом, разум.

Но разве этого достаточно? Разве несколько искренних, как мне хочется верить, моментов перевешивают холодный расчет всего его мира? Я представила лицо матери, если она узнает. Ее разочарование, ее страх за меня, за наше хрупкое благополучие. Представила шепотки в учительской, презрительные взгляды коллег, снисходительную жалость. «Молодая, глупая, попала под влияние, испортила себе жизнь». Я мысленно прошла по коридорам школы, которые были моим вторым домом, моей крепостью, и увидела, как они превращаются в поле боя, где каждый взгляд - укол, каждое слово - камень. Моя профессия - это не просто работа. Это воз-

возможность быть нужной, быть маяком для таких, как Лиза, с ее тревожными глазами. Рискнуть всем этим ради сомнительного «а что если»?

Но когда я снова подняла взгляд на него, через всю эту воображаемую буря, я увидела не сына олигарха, не опасного соблазнителя, а просто человека. Человека, который, возможно, так же потерян и напуган, как и я. Который нарушил все правила своей вселенной, чтобы стоять сейчас здесь, на осеннем ветру, не требуя ничего, кроме моего взгляда. Его терпение было оружием, против которого мой страх был бессилён. Оно не ломало, не давило - оно просто было. Как факт. Как этот холодный осенний воздух, обжигающий легкие.

Инстинкт самосохранения, накачанный адреналином, выкрикивал свои мантры: «Беги! Запрись дома! Смени номер! Это ловушка! Они все умеют так выглядеть, а потом разобьют тебя вдребезги!» Он метался в клетке грудной клетки, бился о ребра, требуя подчинения. Его крик был ясен, логичен, неопровержим. Он был голосом выживания.

Но под ним, глубже, тише и настойчивее, звучала другая музыка. Ее нельзя было разобрать на слова. Это был пульс в висках, совпадающий с ритмом моего дыхания. Это было тепло, разлившееся из того самого места на щеке, которое помнило прикосновение. Это было тягучее, сладкое и мучительное желание узнать продолжение. Узнать, что будет, если дать этой истории шанс. Если поверить не фактам, а этому

дикому, иррациональному чувству, которое заставляло мир сиять ярче, когда он входил в комнату. Каждая клеточка моего тела, предав разум, тянулась к нему, как растение к свету, забыв о том, что солнце может и обжечь.

Я зажмурилась на секунду, пытаюсь найти в темноте под веками ответ. Но ответа не было. Была только тишина и точка выбора. И в этой тишине я услышала не голос страха и не голос надежды. Я услышала свой собственный, тихий и четкий. Он сказал: «Хватит бегать. Хватит бояться. Живи. Даже если это будет больно».

Я сделала вдох, такой глубокий, что закружилась голова. Открыла глаза. Мир вернул свои краски и звуки. И тогда, отрывая от асфальта ноги, которые казались свинцовыми, я сделала шаг. Не назад, к безопасности школьного порога. А вперед. Навстречу ему. Навстречу этому безумному, опасному, запретному «что если». Первый шаг был самым трудным. Потом второй... а третий уже легче. Я не улыбалась, не бежала. Я просто шла, пересекая разделяющее нас пространство, как переходят реку по шаткому мосту, чувствуя, как с каждым шагом рушится старая жизнь и открывается пугающая, незнакомая, но своя дорога. Он не двинулся с места, только выпрямился, и в его глазах, таких серьезных и бездонных, мелькнула искра - не торжества, а облегчения и благодарности. Дорога была заполнена машинами, и мне пришлось ждать у перехода, и эта пауза была еще одним испы-

танием. Я стояла, чувствуя на себе его взгляд, чувствуя, как ветер играет полами моего плаща, и понимала, что назад пути уже нет. Зеленый свет. Я продолжила путь.

Он оторвался от машины, сделал навстречу мне пару шагов и замер, давая мне завершить этот путь самой. И когда между нами осталось всего несколько метров, он тихо, так, что я едва разобрала сквозь шум города, произнес мое имя. Всего лишь имя. «София». И в этом одном слове был целый мир - и извинение, и вопрос, и обещание. Я остановилась, подняв на него глаза. Мое сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. Я должна была что-то сказать. Но слова застряли в горле. Вместо них я просто медленно, почти невесомо, кивнула.

Глава 10

Егор

Я стоял, прислонившись к холодному металлу машины, и чувствовал себя полным идиотом. Что я тут делаю? Егор Романов, наследник империи, дежурит у подъезда обычной районной школы, как влюбленный подросток. Если бы это увидел кто-то из моих «друзей»... Отец... Мать... Да та же Марина... Меня бы просто подняли на смех.

Но я не мог уехать. Я не просто хотел ее. Мне нужно было ее прощение. Как воздух. Я видел, как она вышла из школы. Сумка через плечо, голова опущена. Она выглядела такой маленькой и потерянной. Моя вина сжала горло стальными тисками. Это я довел ее до этого. Она подняла глаза и увидела меня. Замерла. Я ждал. Ждал, что она развернется и уйдет. Закричит на меня. Это было бы заслуженно. Но она не сделала ничего из этого. Она просто смотрела. Через улицу, через шум города, через пропасть между нашими мирами. Ее взгляд был таким же растерянным, как и мой.

И тогда я увидел это. Маленький, почти нерешительный шаг. Потом другой. Это был не отказ. Я оттолкнулся от машины и пошел ей на встречу.

- София, - прошептал я.

Она молчала, просто смотря на меня.

- Марина... она не имеет надо мной никакой власти, - сло-

ва звучали глупо и фальшиво, даже для меня самого. - То, что она сделала... это подло. И я разберусь с этим.

- Как? - усмехнулась она. - Вызовешь ее на ковер? Это твой мир, Егор. Мир угроз и сделок. А я в нем... я просто разменная монета.

В ее словах не было упрека. Была усталая констатация факта. И от этого становилось еще больнее.

- Ты не монета, - резко сказал я. - Ты... Ты все перевернула. Я не планировал этого говорить. Это вырвалось само. Она отвела взгляд, сжав ручки сумки белыми пальцами.

- Я не знаю, кто ты на самом деле. Тот, кто смотрит на часы и говорит «оплатим», или тот, кто врывается в класс с помятым лицом... Я не знаю, кому верить.

Это был шанс. Единственный и последний.

- Верить тому, кто здесь стоит, - я сделал шаг вперед, сокращая дистанцию между нами до минимума. - Тому, кто не спал всю ночь. Тому, кому плевать на все правила, кроме одного.

- Какого? - она прошептала, и ее дыхание коснулось моих губ.

- Быть с тобой.

Я не стал ждать ее ответа. Не стал целовать ее. Я просто взял ее руку. Ее пальцы были холодными. Они дрожали в моей ладони. Она не отняла их.

- Поедем со мной, - сказал я, и это прозвучало не как при-

каз, а как просьба. - Пожалуйста. Просто поедем. Никаких ресторанов, никаких раутов. Просто... поедем.

Она подняла на меня глаза. В них все еще была борьба.

- Куда? - спросила она.

- Я не знаю, - честно признался я. - Просто отсюда.

Она медленно, будто сама не веря себе, кивнула. Я повел ее к машине, все еще не отпуская ее руку. Боялся, что если отпущу, она исчезнет, как мираж. Открыл ей дверь, и она села в салон, пахнувший кожей и моим парфюмом.

Мы ехали молча. Я не включал музыку. Только шум мотора и наше дыхание. Куда? Я и правда не знал. Просто увозил ее. От Марины, от родителей, от ее сомнений, от моих амбиций. Просто в никуда. Это было самое безумное и самое правильное, что я делал за последние годы.

Машина мягко гудела, вбирая в себя километры асфальта. Я выехал с центральных улиц, свернул на набережную, где огни города отражались в черной воде длинными дрожащими полосами. Дождь, начавший накрапывать еще у школы, усилился, застучал по крыше частым дробным перезвоном. Я включил дворники, и их монотонный ритм стал метрономом для наших молчаливых мыслей. Я чувствовал, как ее взгляд скользит по профилю города за окном, по моим рукам на руле. Нужно было сказать что-то. Что-то настоящее, что выходило бы за рамки дежурных извинений и громких слов.

- Помнишь того кота? - вдруг спросил я, и мой собственный голос прозвучал незнакомо, сдавленно. - Кривоватого.

Которого нарисовал Даня.

Она слегка повернула голову, но не сказала ничего. Просто ждала продолжения.

- Он нарисовал его в прошлом году, когда у него была замкнутость на котов. Он перерисовал их из интернета штук сто, не меньше. А этого сделал сам, от себя. И он мне его отдал, сказал: «Держи, он похож на того бродягу, что у нас во дворе жил»

Почему я говорю об этом? Но остановиться уже не мог. Это был единственный мост, который я мог протянуть между нами сейчас. Мост из чего-то настоящего, что не было связано ни с деньгами, ни с положением, ни с этой всей грязной историей.

- Я потом неделю носил этот листок с собой. Он мялся, уголки затерлись. А я не мог его выбросить. А потом он подарил его тебе...

Я рискнул бросить на нее быстрый взгляд. Она смотрела прямо перед собой, но губы ее слегка дрогнули. Не в улыбке, нет. Скорее, в признании чего-то важного.

- Он мне его на прошлой неделе спрашивал, - тихо сказала она. - Подошел после урока. Спросил: «А где мой кот?» Я сказала, что он у меня на столе, и я иногда с ним разговариваю, когда проверяю тетради. Он так серьезно кивнул и ответил: «Он хороший. Только не корми его рыбой, у него аллергия». - в ее голосе прозвучала теплая, живая нотка, та самая, которую я слышал, когда она говорила с детьми. И эта

нотка пронзила меня острее любого признания.

- Спасибо, - выдохнул я. И это «спасибо» было не за разговор о коте. Оно было за все. За то, что она так говорит о моем брате. За то, что сохранила этот дурацкий рисунок. За то, что сейчас сидит здесь, в моей машине, в этом дожде, слушая мои неуклюжие попытки быть человеком.

- За что? - она все так же смотрела в окно.

- За то, что ты есть.

Наступила пауза, наполненная только шумом дождя и двигателя. Я свернул с набережной и поехал в сторону города, но не к его центру, а туда, где заканчивались высотки и начинались тихие спальные районы с парками. Я искал не место, а время. Время, которого нам так не хватало.

- Мне сегодня звонил отец, - сказал я, наконец касаясь самого больного.

Она напряглась, почти физически, как будто готовясь к удару.

- И?

- И я не стал брать трубку. Позже написал ему, что задерживаюсь на деловой встрече. Солгал. Впервые за долгое время солгал ему не ради выгоды, а ради... этого. Ради возможности постоять под дождем и надеяться, что ты выйдешь. Ради этой поездки в никуда.

- Он узнает, - произнесла она без интонации, просто кон-

статируя факт.

- Возможно. Но это уже не имеет значения. Раньше имело. Каждый мой шаг, каждый звонок, каждое знакомство - все было частью большого плана. Плана на меня. Я был не сыном, а... активом. Инвестиционным проектом. И я принимал эти правила. Мне даже нравилось, что от меня ждут величия. Пока не понял, что это величие измеряется исключительно в цифрах на счетах и в влиянии на нужных людей. А внутри была просто огромная, зияющая пустота. В которую можно было бесконечно заливать дорогой алкоголь, адреналин от опасных сделок, внимание девушек вроде Марины... Но она не заполнялась. Она только росла.

Я остановил машину на пустынной аллее в парке. Дождь хлестал по листьям, еще не облетевшим с кленов, создавая умиротворяющий, укрывающий шум. Здесь было темно, только далекие фонари бросали на дорожки мокрые пятна света.

- А потом я пришел в школу насчет Дани. И увидел тебя. Ты наклонилась над тетрадкой, и прядь волос упала тебе на лицо. И ты ее откинула вот так, - я повторил жест, даже не осознавая этого. - И улыбнулась. Не дежурной улыбкой, а настоящей, от которой у тебя появились лучики в уголках глаз. И в эту секунду я позавидовал. Страшно позавидовал. Позавидовал всем в этом классе, потому что они видят тебя каждый день. Такую живую. Такую настоящую. И эту пустоту внутри как будто что-то задело. Зацепилось за край. И

потянуло.

Я обернулся к ней. В полумраке салона ее лицо было бледным пятном, глаза - двумя темными глубокими озерами.

- И я, как полный эгоист, решил, что должен это «что-то» получить для себя. Завоевать, купить, привлечь. Я думал, это просто новый каприз, охота. Но все пошло не так. С самого начала. Потому что на тебя нельзя произвести впечатление тем, что впечатляет всех остальных. Ты смотрела на мою машину, как на неудобный предмет, мешающий проходу. На часы - как на инструмент, который показывал, что я тороплюсь от тебя. Ты видела не Егора Романова, а просто какого-то наглого парня, который нарушает твои границы. И это было и больно, и пьяняще. Потому что это и был я. Без глянца, без титула. Наглый парень. И ты почему-то... ты почему-то не выставила меня за дверь сразу. Ты позволила этому «чему-то» случиться.

- Это была ошибка, - прошептала она.

- Нет, - возразил я с такой силой, что она вздрогнула. - Это было единственное, что было правильным. Во всей этой карусели.

Она закрыла глаза, как будто пытаясь стереть эту картину.

- Я не знаю, что делать, Егор, - призналась она, и в ее голосе впервые прозвучала беспомощность, которую она не старалась скрыть. - Я всю жизнь выстраивала все по правилам. Рано потеряла отца, мама одна поднимала меня. Мы выжили. Я научилась быть сильной, ответственной, предсказуе-

мой. Моя жизнь - это уроки, тетради, забота о маме, ипотека на эту квартиру... И это мой мир. Он хрупкий, но он мой. А твой мир... Он входит в мой, как ураган, и сметает все. Обещает небо, но может раздавить просто походя, даже не заметив. Ты говоришь «верить тому, кто здесь стоит». Но я не знаю, кто здесь стоит. Мальчишка, который дарит рисунки брата? Или тот, кому однажды все это наскучит, и он уйдет, оставив за собой руины?

Ее слова резали правдой. Самой горькой правдой.

- Я не могу дать тебе гарантий, - сказал я честно. - Я сам себя не узнаю последние несколько недель. Но я знаю одно. То чувство, когда я стою с тобой - это не скука. Это вызов. Себе самому. Быть тем, на кого ты сможешь взглянуть без страха в глазах. Я не знаю, как это сделать. Я буду совершать ошибки. Буду, наверное, иногда говорить и делать глупости. Но я буду пытаться. Каждый день. Если ты дашь мне этот шанс.

Она долго смотрела на меня, ища в моем лице подтверждение словам. Потом медленно выдохнула.

- Мне страшно.

- Мне тоже, - признался я. - Но я больше боюсь того, что будет, если мы просто разойдемся сейчас. Это будет похоже на... на предательство. Предательство того самого «чего-то», что началось между нами.

Я снова взял ее руку.

- Поездка в никуда заканчивается, - сказала она тихо. -

Мне пора домой.

Я кивнул, завел мотор и развернулся. Дорога обратно пролетела в молчании, но это уже была не гнетущая тишина, а тишина перед рассветом, полная невысказанных мыслей и чувств, которые наконец нашли выход. Я подъехал к ее дому. Она собралась выйти, затем остановилась.

- Завтра, - спросил я. – Мы встретимся?

Она кивнула и вышла. Я смотрел, как она скрывается в подъезде, и только тогда позволил себе расслабиться, откинувшись на спинку кресла. Усталость накатила волной, но вместе с ней пришло и странное, несвойственное мне чувство - чистой, неподдельной надежды. В кармане завибрировал телефон. «Отец». Я посмотрел на имя на дисплее, затем на освещенное окно ее квартиры на третьем этаже. И отключил вызов. Я делал выбор не в пользу империи. В пользу себя. Настоящего.

Глава 11

София

Мотор урчал под капотом низким, мощным бархатным звуком. Совершенно не так, как тарахтел двигатель маминой старой «Лады». Этот звук вибрировал через сиденье, отзываясь где-то глубоко в животе. Салон пахло кожей и чем-то древесным, дорогим. Как он. Я сидела, сжавшись у двери, стараясь занять как можно меньше места. Мои застиранные джинсы и простой свитер казались здесь верхом неприличия, пятном на безупречной чистоте. Я смотрела на его руки на руле. Ухоженные, с идеально обработанными ногтями, с дорогими часами на запястье. Эти руки могли подписать многомиллионный контракт, а час назад с невероятной нежностью касались моего лица.

-Ты как?

-Нормально, - мой голос прозвучал сипло. Я прочистила горло. - А куда мы едем?

-Ко мне. Посмотришь мою берлогу.

Мы свернули с шумных проспектов и поехали по узким улочкам, где высокие дома уступали место низким особнякам за заборами. Я никогда не была в этом районе. Здесь пахло деньгами. Тихими, старыми, неприкосновенными. В конце концов он остановился у кованых ворот. Нажал что-то на брелоке, и те бесшумно разъехались. Мы заехали на

территорию, утопающую в зимней спячке сада, и подъехали к дому. Не дому - к особняку. С колоннами, огромными окнами, холодным и величественным.

- Что это? - прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

- Это мое место. Вернее, одно из. Сюда я приезжаю, когда нужно... пропасть.

Он вышел, открыл мне дверь. Его рука снова оказалась на моей - твердая, уверенная. Он вел меня к входной двери, а я шла, как во сне, не в силах осознать происходящее. Внутри пахло пылью и тишиной. Полы были из темного полированного дерева, высокие потолки, на стенах - абстрактные картины в тонких рамах. Все было безупречно, стерильно и совершенно безжизненно. Как музей или очень дорогой отель. Ни души.

- Экономка приезжает раз в неделю, - сказал он, словно читая мои мысли. - Так что мы одни.

Эти слова прозвучали одновременно как обещание и как угроза. Мы одни. В огромном, пустом доме. Вдали ото всех. Он снял пальто и бросил его на массивное кресло. Потом повернулся ко мне.

- Хочешь чаю? Кофе? Или... чего-то покрепче? Ты вся дрожишь.

Только сейчас я осознала, что действительно мелко дрожу. От холода? От страха? От переизбытка эмоций?

- Чаю, - выдавила я. - Пожалуйста.

Он кивнул и повел меня дальше, на кухню. Она была огромной, блестящей сталью и глянцевыми фасадами. Все выглядело так, будто здесь никогда не готовили. Он включил современный чайник, который зашипел и засветился синим светом. Я стояла посреди этого безупречного пространства, чувствуя себя пришельцем. Он двигался легко и привычно, доставая чашки из шкафа. Казалось невероятным, что этот человек, наследник империи, сам наливает себе чай.

- Садись, - он указал на барный стул у острова.

Я неуверенно поднялась на него. Высоко. Мои ноги не доставали до пола. Он поставил передо мной чашку идеально-го фарфора с ароматным чаем. Пар от него щекотал нос.

-Сахар? Молоко?

-Нет, так нормально.

Он оперся о стойку напротив. Молчание стало давить. Шум города сюда не долетал. Была только тишина, его взгляд и гулкая пустота этого дома.

- Я не знаю, что здесь делать, - призналась я наконец, глядя на золотистую жидкость в чашке.

-Ничего не нужно делать, София. Просто отдыхай...

Он произнес мое имя так просто, так естественно, будто говорил его всегда. Будто не было между нами пропасти из денег, связей и условностей.

- Ты привез меня сюда, чтобы... просто отдохнуть? - я подняла на него глаза.

-Да.

-А что потом?

Он вздохнул и провел рукой по лицу. Внезапно он выглядел уставшим. По-настоящему уставшим.

-Не знаю. Честно. Я не строю планов. Впервые в жизни. Я просто... последовал за импульсу.

Он подошел ближе. Между нами оставалась только стойка.

-Я не прошу тебя верить мне на слово. Я не прошу ничего. Я просто хочу, чтобы ты увидела... меня. Не Егора Романова, наследника. А просто человека. Который устал. Которому надоело притворяться. Которого ты... зацепила. Сильнее, чем кто-либо.

Он говорил тихо, без пафоса, без привычной уверенности. И в этом была его самая страшная сила. Искренность. Я отпила глоток чая. Он был обжигающим и горьковатым.

-Я вижу тебя, - прошептала я. - И мне страшно.

- Почему?

-Потому что я начинаю верить. А это опасно.

Он обогнул стойку и оказался так близко, что я снова почувствовала его запах. Он взял мою руку - ту, что не держала чашку. Его пальцы были теплыми.

-Мне тоже страшно, - признался он. - Я не боюсь провалить сделку на миллион. А вот от твоего молчания у меня сердце останавливается.

Он поднял мою руку к своим губам и прикоснулся. Легко, почти неслышно. По моей коже побежали мурашки.

- Я не умею играть в эти игры, Егор, - голос мой дрожал.
- Я не знаю правил.

- Правил нет, - он не отпускал мою руку. - Есть только мы. И этот момент. И больше ничего.

Он смотрел на меня, и в его глазах не было привычной насмешки. Была только тихая, почти болезненная надежда. В этот момент что-то во мне сломалось. Опустились все защитные барьеры. Страх, осторожность, голос разума - все потонуло в серых глазах, смотрящих на меня с такой обнаженной искренностью. Я медленно, будто сама не веря себе, потянулась к нему. Не для поцелуя. Просто чтобы коснуться его щеки. Проверить, настоящий ли он. Он замер, позволив мне это. Его кожа была гладкой, чуть шероховатой от щетины. Он был настоящим. Пульсирующим, живым, теплым.

- Хорошо, - прошептала я, сама не зная, что именно хорошо.

Я не знала, что будет завтра. Не знала, как мы будем вместе в наших таких разных мирах. Но я знала, что прямо сейчас, в этой холодной, пустой роскоши, я делаю единственно возможный для себя выбор. Выбор верить ему.

Я глубоко вдохнула, и воздух казался здесь другим - не теплым и пыльным, как в школьных коридорах, не прохладным и влажным, как на улице, а сухим, стерильным, словно его специально фильтровали. И все же, в этой безжизнен-

ной чистоте было что-то освобождающее. Никто не смотрел. Никто не ждал. Не нужно было держать лицо, быть Софией Викторовной, примерной дочерью, ответственной учительницей. Можно было быть просто Софией. Спутанной, испуганной, потерянной, но живой.

- А показать тебе что-нибудь еще? - спросил он, все еще держа мою руку. Его голос был тихим, не нарушающим царящую тишину.

- Что тут можно показать? - я робко обвела взглядом кухню. - Кроме музея современной бытовой техники.

Уголки его губ дрогнули в почти улыбке. Это было ново. Не та насмешливая, уверенная улыбка, которую я видела раньше, а что-то легкое, почти мальчишеское.

- Есть кое-что, - сказал он и, наконец отпустив мою руку, сделал шаг назад, давая мне пространство. - Пойдем.

Я спрыгнула с высокого стула, и пол под ногами оказался неожиданно теплым. Мы прошли через гостиную, миновали просторный, пустой кабинет с гигантским пустым столом из темного дерева, и он открыл дверь в узкий коридор. В конце его была еще одна дверь. Он толкнул ее, и мы вошли.

Это была совсем другая комната. Небольшая, по меркам этого дома. И живая. Огромное панорамное окно выходило в сад, сейчас темный и таинственный, подсвеченный несколькими фонарями у дорожек. В комнате стоял массивный, слегка потрепанный кожаный диван, заваленный десятками

подушек. Напротив - не телевизор, а огромный проекционный экран, свернутый в рулон под потолком. Вдоль одной стены тянулись стеллажи, но они были забиты не книгами по экономике или искусству, а странной смесью: несколько старых фотоальбомов в кожаном переплете, коллекция моделей гоночных автомобилей, стопки журналов о путешествиях, пара гитар в чехлах, прислоненных к стене, и даже скейтборд, явно пылящийся здесь уже много лет.

- Это что? - вырвалось у меня. Я подошла ближе к стеллажам, забыв на секунду про смущение.

- Это мой чердак, - сказал он, оставаясь у двери. - Вернее, то, что от меня осталось. До того, как стал «Егором Романовым». Туда экономке заходить запрещено. Только пылесос-робот иногда застревает.

Я взяла в руки одну из моделей машинок. Она была не купленной коллекционной, а собранной, склеенной вручную. Швы были неидеальны, краска кое-где заляпана.

- Это ты собирал?

- В четырнадцать. Подарил на день рождения отец. Самый дорогой набор, какой можно было купить. Я его месяц клеил. А потом он взял, посмотрел на мою работу, усмехнулся и сказал: «Зачем тратить время на ерунду? Лучше бы делом занялся». Больше я не клеил.

Он говорил это спокойно, без эмоций, но в его словах была такая бездонная, привычная горечь, что мне захотелось обнять эту модельку, спрятать ее. Я аккуратно поставила ее

обратно. Мой взгляд упал на фотографию в простой рамке. На ней был мальчик, пухленький, с серьезными глазами, обнимающий за шею большую лохматую собаку. Рядом с ним стоял подросток лет пятнадцати - уже угадывались черты Егора, но взгляд был мягче, открытее. Он улыбался, положив руку на голову мальчику.

- Это Даня? - спросила я.

Он кивнул, подойдя ближе. - Да. Ему было пять, мне пятнадцать. Это наш Рекс. Золотистый ретривер. Прожил с нами двенадцать лет. Лучший пес на свете. - Он помолчал. - Его не стало, когда я был на первом курсе. Даня тогда очень тяжело переживал. Отец хотел сразу купить новую, «породистую» собаку. Я сказал, что если он это сделает, я самолично открою ворота и выпущу ее. Больше собаки у нас не было.

Он говорил о своем отце так, как будто речь шла не о родителе, а о суровом начальнике, чьи приказы надо выполнять, но чью любовь даже не стоит надеяться обрести. Я чувствовала знакомую боль - боль потери отца, но в его случае было хуже. Отец был жив, но недостижим как человек. Просто еще одна сила, с которой надо считаться.

Я прошла вдоль стеллажа. Среди всего этого хлама, хранящего память о простом мальчишке, лежала толстая папка с надписью «HBS» - Гарвардская школа бизнеса. Рядом - диплом в кожаном переплете и... дешевая пластиковая фигурка супергероя, краска на которой давно облупилась.

- Два мира, - прошептала я, понимая. - И ты застрял по-

середине.

- Иногда кажется, что настоящий я - это все, что здесь, на этих полках. А тот, кто выходит за дверь, - просто очень убедительная копия. Хорошо обученная, эффективная. Пу-
стая. Суррогат...

Он сел на край дивана, сгорбившись, и снова стал выгля-
деть уставшим. Не физически, а душой. Я подошла и села
рядом, оставив между нами расстояние. Мы молча смотрели
в темное окно, где наши силуэты слабо отражались в стекле.

- Почему ты привез меня именно сюда? - спросила я тихо.
- В этот «чердак»? Не в шикарную гостиную, не в столовую
для приемов...

- Потому что здесь я настоящий. Или тот, кто мне кажет-
ся настоящим. И я хотел, чтобы ты это увидела. Чтобы ты
поняла, с кем имеешь дело. Не с принцем из сказки, а с...
- он замялся, подбирая слово. - С оборванцем, которого на-
рядили в королевские одежды и заставили играть роль. И он
забыл, как быть собой. До тебя.

- Что во мне такого? - вырвалось у меня с искренним недо-
умением. - Я самая обычная. Уроки, тетради, ипотека...

- Ты необыкновенная в своей обыкновенности, - перебил
он меня. - Ты живешь. По-настоящему. Ты переживаешь за
своих учеников, как за родных. Ты ночами сидишь над кон-
спектами, чтобы им было интересно. Ты смеешься искренне,
а не из вежливости. Ты злишься, когда тебя обижают. Ты бо-
ишься, но все равно делаешь шаг. Твоя жизнь измеряется не

цифрами в отчете, а чувствами. Мне этого не хватало. Всей этой... человечности. Ее нет в моем мире. Там все - сделка. Чувства - слабость. А ты... ты вся состояла из этой запретной, опасной силы. И я, как наркоман, потянулся к ней.

Он повернулся ко мне, и в полумраке комнаты его глаза казались еще глубже, еще серьезнее.

- Когда Марина сказала тебе ту гадость, я впервые в жизни почувствовал не злость. Я почувствовал стыд. Дикий, всепоглощающий стыд. Потому что я понял, что с твоей точки зрения, она абсолютно права. Все мои ухаживания, все эти дурацкие, неловкие попытки выглядели именно как игра пресыщенного мажора. И самое ужасное, что какая-то часть меня в начале именно так к этому и относилась. Но где-то по дороге все перевернулось. И когда я понял это, было уже поздно. Ты уже смотрела на меня так, как будто я разбил тебе сердце. А я всего лишь хотел... хотел быть рядом с твоим светом. Хоть немного погреться.

Его признание висело в воздухе, тяжелое и честное. Он не обелял себя. Он выворачивал наружу всю свою грязь, весь свой цинизм и надежду, которая проросла сквозь него вопреки всему.

- И что теперь? - спросила я, и голос мой звучал тихо, но уже без дрожи. - Я погрею тебя, а потом? Ты вернешься в свой мир холода и сделок, и все это останется здесь, на этом чердаке? Вместе с модельками и скейтбордом?

- Я не знаю, - повторил он. - Но я знаю, что не хочу возвращаться туда прежним. Или хочу, чтобы ты была со мной. Не здесь, в этой пыльной комнате. А там, в том аду стекла и бетона. Как якорь. Как напоминание о том, что я еще жив.

- Это непосильная задача, Егор, - прошептала я. - Я не спасу тебя. Я и себя-то еле держу на плаву.

- Мне не нужен спасатель. Мне нужен свидетель. Кто-то, кто будет видеть во мне не только Романова. Кто будет помнить про мальчика, который клеил машинки и любил свою собаку. Даже когда все вокруг будут видеть только холодного дельца.

Я посмотрела на его руки, лежащие на коленях. Те самые ухоженные, сильные руки. И представила, как они в четырнадцать лет, неуклюже и старательно, склеивали модель. Как гладили шерсть Рекса. И сердце сжалось от странной, щемящей нежности.

- Хорошо, - снова сказала я. И на этот раз понимала, что говорю. - Я буду твоим свидетелем.

Он закрыл глаза, словно с него сняли огромную тяжесть. Потом медленно склонился и положил голову мне на колени. Этот жест абсолютного доверия, детской усталости, был красноречивее любых слов. Я замерла, а потом, преодолевая последние барьеры, осторожно опустила руку на его волосы. Они были мягкими и чуть колючими у висков. Он вздохнул, глубоко и спокойно. Мы сидели так в тишине его убежища,

в самом сердце его частного мира, который он открыл мне. За окном шумел ветер в голых ветвях, но здесь, в комнате, было тепло и тихо. И пока его дыхание выравнивалось, а мои пальцы медленно перебирали его волосы, я чувствовала, как страх отступает, уступая место чему-то новому, огромному и хрупкому. Мы не знали, что будет завтра. Но сегодня, в этом «чердаке» среди призраков его прошлого, мы нашли друг друга. И для начала этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.